

эт А. Твардоўскі назваў “незнакамітай”, бо тыя вынікі, да якіх яна прывяла савецкі бок, былі зусім несучаснымі: правальванне плана саветызацыі Фінляндыі, непамерныя з дасягнутымі вынікамі людскія і матэрыяльныя страты, страта маральнага аўтарытэту ў вачах народаў, перш за ўсё еўрапейскіх. Да таго ж СССР так і не змог належным чынам – дыпламатычна, эканамічна і вайсковым чынам абараніць свае інтарэсы на паўночным напрамку еўрапейскай палітыкі.

З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны Фінляндыя заявіла аб сваім нейтралітэце, нягледзячы на бяспрыкладны ціск Гітлера. Тым не менш, 25 чэрвеня 1941 года савецкія самалёты бамбардзіравалі фінскую тэрыторыю. Толькі пасля гэтага, а менавіта 10 ліпеня фінская армія шырокім фронтам перайшла савецкія межы і вярнула сабе назад амаль усе занятыя Чырвонай Арміяй фінскія землі падчас вайны з СССР у 1939–1940 гг. Можна толькі ўявіць сабе, якім аказаўся лёс Ленінграда, калі б Савецкі Саюз прытрымліваўся савецка-фінскага пакта аб ненападзе. Асмельваемся лічыць, што поўнай блакады Ленінграда не было б, а разам з тым – і жудасных, незлічоных ахвяр яго жыхароў. Патрэбна таксама падкрэсліць, што лёс Ленінграда быў бы прадвызначаны ў выніку адкрытага паўнаўтаснага саюза Фінляндыі з фашысцкай Германіяй у Другой сусветнай вайне.

Гісторыя палітычных узаемадчынненняў Савецкага Саюза са сваімі краінамі-суседзямі сведчыць аб тым, што геапалітычныя інтарэсы вялікіх дзяржаў, якія, безумоўна, існуюць, не павінны прыходзіць у супярэчнасць з законнымі інтарэсамі іншых краін, вырашацца за іх кошт. Такі падыход, на нашу думку, якраз і складае падмурак цывілізаваных міжнародных палітычных, дыпламатычных, эканамічных, прававых і гуманітарных адносін. А калі паміж суб'ектамі гэтых адносін узнікаюць пэўныя супярэчнасці і непаразуменні, што само па сабе непазбежна, то яны павінны вырашацца мірнымі сродкамі, на аснове ўліку законных інтарэсаў усіх бакоў, а гарматы павінны стаць апошнім довадам палітыкаў, прычым, ужыванне вайсковай сілы павінна адбывацца выключна з пазіцыі міжнароднага права пад наглядам і ў адпаведнасці з маральна-прававой ацэнкай сусветнай супольнасці.

ПОЛЬСКИЙ ВЕКТОР В ДИПЛОМАТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л. П. Никитенкова (Брест)

Версальский международный порядок, созданный после окончания Первой мировой войны, начинает окончательно рушиться после заключения Мюнхенских соглашений в сентябре 1938 г. Политика «умиротворения», проводимая ключевыми державами этого порядка – Великобританией и Францией, когда за счёт малых стран эти два главных игрока в Европе обес-

печивали свои собственные интересы, – даёт сбой. Конечно, надежда ещё существовала избежать войны. Но вероятность военного столкновения в ближайшем будущем возрастала с каждым месяцем. «К началу 1939 года становилась всё более очевидна перспектива военного столкновения между странами «Оси» Берлин – Рим, стремившихся к переделу мира, и «западными демократиями» Великобританией и Францией – основными гарантами существовавшей международной правовой системы» [8, с. 44]. Именно этот год можно назвать годом политического кризиса, приведшим к отказу крупнейших европейских государств действовать совместно в борьбе с фашистской агрессией. Западные державы до весны-лета 1939 г. предпринимали попытки экономического умиротворения Германии, не забывая и о политических соглашениях. Малые страны в этой большой политике играли незначительную роль. Их интересы учитывались в последнюю очередь.

Польский вектор в дипломатической игре ключевых держав Версальской системы вышел на первый план к концу 1938 – началу 1939 гг. Ещё при подготовке Мюнхенского договора 1938 г. Польша и Венгрия выдвинули свои территориальные претензии к Чехословакии. И как позже писал У. Черчилль: «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства» [9, с. 156]. Министр иностранных дел Польши этого времени Юзеф Бек всячески старался придерживаться той политики, которая была выстроена ещё при Пилсудском. Однако, как отмечают исследователи: «Главная проблема польской дипломатии и государственности в целом состояла в том, что при очевидном стремлении к великодержавности Варшава не обладала необходимыми для этого информационными ресурсами. Информация о двух самых опасных соседях Польши – Германии и СССР была совершенно неудовлетворительной для принятия серьёзных внешнеполитических решений, способных хотя бы тактически скорректировать доставшийся Беку в наследство от Пилсудского курс» [2, с. 191].

Незадолго до начала войны министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп предлагал польскому правительству проводить общую политику в отношении России [5, с. 63]. После отказа поляков действовать совместно, Германия решила расправиться с нею военным путем. Несогласие Польши на немецкие территориальные требования ускорили принятие этого решения. Фашистское руководство наметило эту страну в качестве первой жертвы.

Активная подготовка военного похода на Польшу развернулась в Германии с начала 1939 г. По плану «Вайс» предусматривалось нанесение неожиданных сильных и успешных ударов с началом осени. Одной из главных задач немецкого руководства до начала военных действий – «по возможности изолировать Польшу» [3, с. 64]. А для этого необходимо было не допустить вмешательства в польские дела Советского Союза, Англии и Франции. В конце апреля 1939 г. была расторгнута польско-германская

декларация о ненападении и дружбе 1934 г. и англо-германское соглашение 1935 г. [7, с. 223]. В мае того же года А. Гитлер провел совещание руководящего состава вооруженных сил, где им было отмечено: «Польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение – при первой подходящей возможности напасть на Польшу» [3, с. 98].

30 марта правительство Чемберлена провозгласило, что в случае нападения на Польшу Германии Англия выступит в ее защиту. Вскоре была подписана польско-британская договоренность о взаимной помощи на случай любой угрозы. «Однако к моменту нападения Германии на Польшу Англия не располагала сколько-нибудь достаточными сухопутными силами и имела весьма ограниченный военно-воздушный потенциал. Следовательно, даже при желании британская сторона была не в состоянии выполнить обязательства по договору с Польшей о взаимной помощи» [7, с. 326].

Предполагаемая позиция Англии в условиях все возрастающего напряжения в германо-польских отношениях имела большое значение. Но, тем не менее, в записке посла фашистской Германии в Великобритании Дирксена от 18 августа 1939 г. отмечалось: «Необходимо предпослать общее замечание, что Великобритания не связала себя на 100% данным заранее обязательством выступить на стороне Польши в случае всякого конфликта. Это противоречило бы психологии англичан, всегда оставляющих для себя открытой возможность уклониться от принятых обязательств... Чем дальше идет Англия по запутанным тропам восточной политики, тем больше у нее является сомнений и опасений. Неутолимая потребность Польши в деньгах привела уже финансовые переговоры к частичному срыву. Бесстыдный тон польских газет хотя и замалчивается старательно в английской печати, но в руководящих кругах возбуждает недовольство. Военная сила Польши при ближайшем рассмотрении оказывается проблематичной. Постепенно убеждаются, что особые трудности в польско-русских отношениях снижают ценность Польши как союзника» [3, с. 312].

Вообще, фашистская Германия летом 1939 г. важнейшим моментом своей дипломатической деятельности считала недопущение эффективного сотрудничества между западными державами и Москвой. А. Гитлер тогда надеялся разбить Польшу без опасности конфликта с Западом. Именно двойная политика Англии и Франции на переговорах в Москве в начале августа не позволила найти компромисс. Плюс негибкая политика Польши не способствовала движению в этом направлении. Варшава упорно отклоняла все предложения, делавшиеся ей представителями Англии и Франции, о возможности использования ее территории. Юзеф Бек постоянно ссылался на заветы Ю. Пилсудского, согласно которым ни в коем случае нельзя допустить появления чужих солдат на польской территории. Он говорил послу Франции об ослабленности Красной Армии в результате репрессий командного состава, что положиться на нее нельзя. В такой обстановке позиция министра оказалась трагичной и недальновидной для судеб Польши [4, с. 275].

Провал переговоров многие исследователи связывают с нежеланием Лондона заключать какие-либо договоренности с Россией. А это означало, что последняя возможность остановить общими усилиями готовившееся нападение вермахта на Польшу, а значит и войну в Европе, была утрачена.

Немецкая дипломатия обвинила британскую пропаганду в кризисе германо-польских отношений и посчитала желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. Рекомендовано было руководителям обоих государств не пускать события на самотек, а действовать. В рекомендациях германскому послу в Москве в начале августа говорилось о необходимости убеждать русских в том, что на Балтике Германии и СССР хватит места. За событиями в Польше они следят внимательно и хладнокровно. В случае провокации со стороны Польши урегулируют вопрос в течение недели [6, с. 28].

Неоднозначно характеризуются обстоятельства, связанные с подписанием советско-германского договора от 23 августа 1939 г. и последующим ходом событий. Несомненно, что подписание было вынужденным и трудным решением, следствием международных отношений конца тридцатых годов. Вместе с тем, эта политика деформирована была культом личности Сталина, что сказалось даже во внешнеполитической сфере. В секретном дополнительном протоколе относительно Польши говорилось: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития» [6, с. 62].

Нападение Германии на Польшу повело отсчёт новой мировой войны. По свидетельству рейхсминистра А. Шпеера: «...все тревоги развеялись в первые же дни сентября, когда польский поход принёс неожиданный успех немецким войскам. Гитлер обрёл, судя по всему, обычную уверенность, и потом уже в разгар войны, я даже неоднократно слышал от него, что поход против Польши непременно требовал крови. Впрочем, очень возможно, что за подобными рассуждениями он просто желал скрыть дипломатические просчёты августа 1939 года» [10, с. 220].

После первого сентября 1939 г. пошла информация о налётах немецких самолётов и на территории, населённые белорусами и украинцами. В сообщении брестского поветового старосты полесскому воеводе от 3 сентября 1939 г. говорилось: «Около 17 час. 7 немецких самолётов совершили налёт на крепость в Бресте-над-Бугом, сбросив около 10 бомб. В результате повреждены: железнодорожное полотно на Варшавском пути, склад обмундирования, Белый дворец...» [1, с. 228]. Принятие решения о вступлении частей Красной Армии в пределы Западной Украины и Западной Белоруссии было для совет-

ского руководства совсем непросто. 3, 5, 10 сентября дипломаты оговаривали такую возможность. В. М. Молотов сообщал немецкому послу в СССР, что советские войска, если и когда они выступят, будут задействованы с политической, а не с военной мотивировкой [7, с. 348].

События 17 сентября объяснились советской стороной тем, что польское правительство бездействует, и Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу СССР. Говорилось о прекращении действия ранее заключенных договоров и о том, что не могла советская сторона безучастно относиться к судьбе украинских и белорусских братьев, должна обеспечить им условия для мирной жизни. До этого, правда, Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше. А теперь Советское правительство не видело какого-либо другого благовидного предложения, чтобы оправдать за границей свое вмешательство [6, с. 94].

Таким образом, польский вопрос в дипломатии европейских государств накануне войны играл значительную роль. Однако нереальная оценка в Варшаве международной ситуации, преувеличение роли и места Польши в системе государств европейского региона со стороны собственного руководства, политика уступок Германии со стороны Англии, Франции и ряда других стран поставили мир перед неизбежностью войны.

1. Брест в 1919–1939 гг. : документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
2. Борисёнок, Ю. А. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек / Ю. А. Борисёнок, А. Е. Кузьмичёва // Новая и новейшая история. – 2018. – № 2. – С. 179–196.
3. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 2. Январь-август 1939 г. – 415 с.
4. Ковалев, Ф. Так начиналась война / Ф. Ковалёв, О. Ржешевский // Урок дает история. – М. : Политиздат, 1989. – С. 268–284.
5. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. – М. : Политиздат, 1971. – 736 с.
6. СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. – Вильнюс : Мокслас, 1989. – 128 с.
7. 1939 год: уроки истории / Отв. ред. О. А. Ржешевский. – М. : Мысль, 1990. – 508 с.
8. Фомин, А. М. Франко-турецкие отношения и сирийский вопрос накануне Второй мировой войны (январь – август 1939 г.) / А. М. Фомин // Новая и новейшая история. – 2018. – № 1. – С. 44–60.
9. Черчилль, У. Вторая мировая война : в 3 тт. / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1. – 394 с.
10. Шпеер, А. Воспоминания / А. Шпеер. – М. : Захаров, 2010. – 528 с.